

Волков С. С., Манерова К. В. (СПбГУ)

Volkov S.S, Manerova K.V.

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА

ON THE PROBLEM OF A NEW IDIOLECT DICTIONARY METALANGUAGE

В статье рассматриваются вопросы составления авторского словаря нового типа – толково-переводного (двуязычного) словаря одного автора. Важность подготовки немецко-русского словаря идиолекта М. В. Ломоносова, над составлением которого в настоящее время работают сотрудники кафедры немецкой филологии СПбГУ и ИЛИ РАН обусловлена тем, что мультилингвизм был неотъемлемой частью личности М. В. Ломоносова, причем в случае с немецкой языковой компонентой речь идет прежде всего не о психологическом, а более о культурно-бытовом доминировании. Для составления авторского словаря такого типа необходима разработка особого метаязыка лексикографического описания.

Ключевые слова: *лексикография, просвещение, немецкий язык, русский язык, переводной словарь, авторская лексикография, М. В. Ломоносов, метаязык, билингвизм.*

The paper focuses upon the problem of compiling a new idiolect dictionary and describes the influence of German scientific discourse both on the mentality of the first Russian scientists and the languages for special purposes. Cultural and scientific merits of Michail Lomonosov, who appeared to be a multilingual person, have been already described in many treatises, but the studies of his miscellaneous contacts with ideas of German enlightenment seems very brief and outdated. The Dictionary of Lomonosov's German Language, which is now being compiled in St. Petersburg proves to be very helpful to throw light at the problems presented. Pilot entries of such dictionary are displayed in the final part of the scientific presentation.

Key words: *enlightenment, philology, dictionary, M. V. Lomonosov, German language, author's lexicography, metalanguage, lexicography, description, bilingualism.*

В 1966 году в программной статье «О задачах изучения лексики русского языка XVIII века» петербургский лексиколог и историк языка Ю. С. Сорокин писал: «в этот период (т. е. в XVIII веке – *авт.*) усиливается приток и проникновение в лексическую систему иноязычных заимствований – прямое следствие еще распространенного в образованной среде двуязычия, чрезвычайно интенсивной переводческой деятельности и недостаточности во многих случаях готовых «местных» средств» [26, 22]. Языковые контакты между русской языковой системой и системами западноевропейских языков (французского, немецкого, итальянского, в меньшей степени английского) в условиях петербургской и московской контактных зон уже получили *лингвоцентрическое* описание в исследованиях Л. Л. Кутиной, Л. А. Войновой, Е. Э. Биржаковой, В. М. Живова, Б. А. Успенского, С. Кохмана (Stanisław Kochman), Т. А. Лисицыной, В. М. Круглова и мн. др. В значительно меньшей степени внимание современных исследователей привлекали случаи «распространенного в образованной среде двуязычия», то есть случаи исторического

билингвизма в XVIII веке. Статьи А. А. Алексеева «Эволюция языковой теории и языковая практика Третьяковского» [2]; Б. А. Успенского «Языковая программа раннего Третьяковского» [27] и, наконец, публикация Е. Э. Бабаевой рукописного русско-французского словаря князя А. Д. Кантемира представляют собой скорее приятное исключение [3]. Важно, что менее всего такие интересные культурно-языковые ситуации подвергались лингвистическому анализу с *антропоцентрической* точки зрения: в этом случае внимание исследователя фокусируется более всего на *субъекте* билингвизма (и даже *мультилингвизма*), в качестве которого выступает не абстрактный «носитель языка», а вполне конкретная языковая личность XVIII века. Это прежде всего «культурные герои» этого славного времени – князь А. Д. Кантемир, уже упомянутый выше неутомимый труженик В. К. Третьяковский, В. Е. Адодуров, А. А. Барсов, Г. Ф. Миллер, С. Я. Румовский, Г. Н. Теплов, В. М. Севергин и мн. другие, среди которых важное, если не главное место, занимает выдающийся русский мыслитель М. В. Ломоносов.

Проект Института лингвистических исследований РАН «Словарь языка М. В. Ломоносова» направлен на системное описание идиолекта¹ Ломоносова лексикографическими способами, иными словами – на подготовку словаря языка Ломоносова. Действительно, в огромном массиве научной, полунучной и псевдонаучной литературы о Ломоносове совершенно забытым, задвинутым в дальний пыльный угол оказалось *живое слово* русского ученого, поэта и просветителя. Поэтому необходимо целостное, без исключений (а не фрагментарное и, главное, *субъективное* – когда содержанием такого «исследования» становятся несколько забавных или необычных слов, выхваченных из общего контекста идиолекта) филологическое исследование совокупности *всех* слов *всех* текстов М. В. Ломоносова. При таком подходе важным, *значимым* становится любой языковой факт в текстах Ломоносова, даже единичное (окказиональное) шутовское употребление финского слова **raha** ‘деньги’ в дружеском письме Ломоносова Якобу Штелину [20, 545–546]: мы бы сейчас написали, что *позарез нужны тугрики*, но Ломоносов был настоящий *академик* и *профессор*, поэтому применил более изысканный стилистический прием: употребил для создания комического эффекта словечко, которое оба слышали от петербургских финнов. Задачей словаря, таким образом, станет не только раскрытие многогранной личности М. В. Ломоносова словарными методами, приобщение человека XXI века к его неповторимому «семантическому» миру, но и лингвистическое исследование случая уникального исторического многоязычия – мультилингвизма Ломоносова, взаимодействия в его сознании трех языковых стихий – русской, латинской и немецкой. Заметим, что такое фундаментальное исследование, конечно, могло бы быть выполнено в рамках индивидуальной или коллективной монографии, но словарная форма более удобна.

Соответственно сказанному, «Словарь языка Ломоносова» должен состоять из трех основных частей: «Словаря русского языка Ломоносова», «Словаря латинского языка Ломоносова» и «Словаря немецкого языка Ломоносова». Объединение трех таких словарей в единый корпус пока кажется малореальным: метаязык такого гиперлексикона будет в достаточной степени сложным, непрозрачным и, следовательно, недружелюбным для пользователя. Бесспорно, что разработка подобного метаязыка представляет собой очень интересную теоретическую проблему, и поэтому он, может быть, когда-нибудь и кем-нибудь будет создан как теоретическая модель. Звучит довольно пессимистично, однако вряд ли можно верить в то, что такая модель будет воплощена в живую лексикографическую практику.

Один из таких словарей – «Словарь немецкого языка Ломоносова» представляет собой большой совместный проект кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского

¹ «Идиолект – это система речевых средств индивидуума, формирующаяся на основе усвоения языка (мы бы добавили – форм языка или языковых регистров – *Авт.*) и развивающаяся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума» [33, 83-84].

университета и Института лингвистических исследований РАН, работы над которым начались в 2007 году. Главной исследовательской задачей словаря является исторический мониторинг уникального взаимодействия русской и немецкой культур в XVIII веке и возникшего в ситуации культурно-языкового контакта русско-немецкого билингвизма М. В. Ломоносова.

Нужен ли такой словарь? Кажется, что это вопрос совершенно риторический и подразумевает только один ответ: «Да, конечно нужен». Абсурдно заново обосновывать актуальность, научную новизну и практическую ценность авторских словарей, тем более что эта тема уже давно глубоко проработана в теоретических трудах Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, Г. О. Винокура, С. А. Венгерова, Б. В. Томашевского, Л. С. Ковтун, В. П. Григорьева и мн. других выдающихся филологов. Так, одна из основателей петербургской («ларинской») школы авторской лексикографии проф. Л. С. Ковтун писала в 1968 году: «словарное описание художественных сочинений необходимо, как известно, для решения многих проблем стилистики, лексикологии, семасиологии. Словарь большого писателя не может не содействовать развитию теории словесного искусства и росту литературного мастерства. Независимо от того, какой из лингвистических словарей писателя перед нами .. сведения, которые он дает, важны для решения научных задач» [17, 5-6]. Важно добавить, что в других национально-языковых сообществах, например, во Франции, только за вторую половину XX века составлены и опубликованы много новых авторских словарей, в том числе «Le vocabulaire de Zola» (1985); «Le vocabulaire de Victor Hugo» (1988), «Le vocabulaire de Descartes» (2011) и другие. В Германии идет работа над «Luther-Register», завершается составление полного «Goethe-Wörterbuch». В Оксфордском университете закончена работа над составлением полного конкорданса к произведениям Шекспира (см. подробнее об английской писательской лексикографии в книгах проф. О. М. Карповой [13; 14; 15]). На Украине составлены и выпущены в свет словари языка произведений Т. Г. Шевченко, писавшего, как известно, на русском и украинском языках (см. «Словник мови Шевченка» в 2 тт. Отв. ред. В. С. Ващенко. Киев, 1964; «Словарь языка русских произведений Шевченко» в 2 тт. Сост. В. М. Брицын и др. Киев, 1985 – 1986), идет работа над идиолектами современных украинских поэтов². Как мы видим, авторская лексикография никак не является «маргинальной» областью, идеи ее приобретают самые разнообразные воплощения. Такие издания создают фундаментальную базу для исследования фактов языка, кроме того, они имеют множество других разнообразных функций, как, например, те, которые описаны авторами исследования «Concordances in the Classroom» [34]:

В основе любого научного словаря находится, что уже общепризнано, обусловленная задачами проекта эмпирическая база – совокупность текстов. В нашем случае это совокупность текстов определенного автора. И если для словаря национального или литературного языка такая совокупность должна быть репрезентативной, т. е. включающей все признаки и особенности генеральной совокупности, но не все ее элементы (Manheim J.), то авторский словарь должен основываться только на *полном* корпусе текстов (тезаурусе) одного автора; вспомним слова проф. Б. А. Ларина о том, что «в словаре писателя, поэта ничего нельзя обходить, пропускать. В нем должен быть показан — со всем мастерством и опытом экспозиции — авторский стиль» [19, 7]. Большим недостатком научного проекта «Словарь языка Пушкина» стало ограничение числа текстов, эвфемистически названное «принципом относительной полноты словника», на деле означавшее не что иное, как исключение из эмпирической базы словаря текстов великого поэта на французском, итальянском и др. языках³. Действительно, вполне справедливо заметил известный критик и

² Мовотворчість Павла Тичини у дзеркалі третього тисячоліття: Зб. наук. праць / Відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Рівне; Острог, 2011.

³ Немецкие коллеги в «Словаре языка Гёте» поступили как раз наоборот: они включили *всю* лексику идиолекта Гёте, то есть без каких-либо исключений и ограничений: ср., например,

библиограф Н. И. Мацуев, автор сердитой рецензии на первый том «Словаря языка Пушкина», опубликованной в «Литературной газете» в начале 1957 года: «*madame* вошла в словарь, а *madame* – нет» [10, 19]. Причины такого решения заслуживают отдельного исследования, но, по-видимому, это было обусловлено не столько желанием авторского коллектива «не откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков» [5, 15], сколько особое восприятие иноязычного материала: твердая, можно даже сказать *априорная* уверенность многих (в том числе и современных) филологов-лексикографов в том, что билингвизм всегда имеет какие-то пределы и ограничения, что вторым языком билингв *всегда* владеет хуже, чем родным; написанные на французском языке стихи Пушкина, таким образом, «изначально», «искони» хуже стихов на русском языке. При этом *историческое состояние* этого родного языка и культурно-языковая ситуация (традиции, обычаи, интересы, «кастовость», «мода», эстетические вкусы, речеповеденческие тактики⁴ и мн. др.) почему-то никогда не принимаются во внимание. Так ли это на самом деле? Может быть, причиной такого отношения являются известные всем недостатки в преподавании иностранных языков в школе и вузе в советскую эпоху и мы имеем дело с определенной негативной традицией? А, может быть, это просто неуверенность и страх перед всем новым и непонятным?

Более того, складывается впечатление, что создатели авторских словарей отмахиваются под разными предлогами от работы с текстами на «неродном» языке «национального» автора. Причина такой «апатии» в том, что проблема метаязыка словарного описания иноязычных текстов, созданных билингвами, является недостаточно исследованной и не имеет готовых технологий, которые легко можно было бы применить.

Прислушаемся к мнению А. А. Потебни о поэтическом языке Ф. И. Тютчева: «Тютчев служит превосходным примером того, как пользование тем или другим языком дает мысли то или другое направление, или, наоборот, как в предчувствии направления, которое примет его мысль в следующее мгновение, человек берется за тот или другой из доступных ему языков. Два рода умственной деятельности идут в одном направлении, переплетаясь между собой, но сохраняя свою раздельность, через всю его жизнь, до последних ее дней [23, 165]. Две языковых стихии в одном языковом сознании, таким образом, «переплетаясь между собой» взаимодействуют, обогащают, дополняют друг друга. При этом каждая языковая стихия (русская, украинская, немецкая, французская и пр.) не только уникальна, но и, подчиняясь творческой активности гения, по-своему, на свой особенный лад служит выражению неповторимых черт его творческой личности.

Итак, *полный*, то есть охватывающий *все* тексты автора, в т. ч. написанные не на родном языке, авторский словарь вполне имеет права на существование. Каким же на практике должен быть такой словарь?

Научный проект «Словарь немецкого языка Ломоносова», или, как члены авторского коллектива между собой называют его, «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» направлен на составление универсального словаря тезаурусного типа, объединяющего в себе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, словарь собственных имен, словарь сочетаемости слов, словарь сокращений, а на последующих этапах осуществления проекта – возможно, частотный, обратный и

abasso ital: *unten* Als ich den Hausknecht nach einer gewissen Gelegenheit fragte, deutete er in den Hof hinunter. “Qui a. puo servirsi!” Ich fragte: “Dove?” — “Da per tutto, dove vuol” (Goethe-Wörterbuch: <http://woerterbuchnetz.de/GWB/?sigle=GWB&mode=Vernetzung&lemid=JA00036>).

⁴ *Речеповеденческая тактика* – программа речевого и неречевого поведения, которая присуща носителю языка и является отражением его менталитета и культуры сообщества, к которому он принадлежит. Речеповеденческая тактика в значительной мере вербализуется с помощью клишированных и полуклишированных высказываний (см., например, Казаковская 2006 [11]).

идеографический словарь. Задача словаря – инвентаризация и систематизированное представление с максимальной полнотой лексического и фразеологического состава, особенностей морфологии и синтаксиса немецких текстов М. В. Ломоносова как отражающего сложившееся мировоззрение и личность ученого и, одновременно, характеризующего эпоху русского Просвещения. Основными *конституирующими признаками* такого словаря будут следующие:

- двуязычность словаря (он включит не только *всю* лексику *всех* текстов М. В. Ломоносова на немецком языке, но и предоставит пользователю их русские *аналоги* или информативные *толкования* этих слов на русском языке;
- использование конкорданса к немецким текстам М. В. Ломоносова как эмпирической базы словаря; следствие этого – максимальная полнота словника, отказ от субъективного «отбора» слов;
- лексикографическое описание текстов разных жанров (научный текст, письма, деловые документы);
- лексикографическая разработка сочетаемости заголовочной единицы;
- особая роль иллюстраций, цитат, максимально полная демонстрация примеров словоупотребления М. В. Ломоносова;
- показ явлений смешения кодов в текстах М. В. Ломоносова;
- наличие системы реально-исторических, историко-лингвистических, редакционных комментариев;
- лексикографическая разработка собственных имен (топонимика и антропонимика);
- лексикографическая разработка сокращений;
- наличие особого «справочного отдела», задача которого – позиционировать лексический фонд идиолекта М. В. Ломоносова относительно лексического массива немецкого языка XVIII века. Для этого используются данные словарей немецкого языка XVIII века, устанавливающих «языковой фон» заголовочного слова.

Можно считать, что по своим главным характеристикам (словник, структура и наполнение словарной статьи, организация словарного материала и пр.) словарь будет весьма близок к тому особому типу толково-переводного словаря иностранного языка на русском языке (т. н. «русский Ларусс»), пути создания которого в «Опыте общей теории лексикографии» наметил Л. В. Щерба. Вот что он писал в 1940 году: «Многие, познакомившись с французским Ларуссом, считают его идеалом и предлагают просто переиздать его. Я тоже считаю его прекрасным словарем и достойным всяческого подражания.. всячески поддерживая мысль об его переиздании – потому что это просто сделать – для старших курсов наших языковых вузов .. , я тем не менее полагаю, что его, кроме того, надо перевести на русский язык и вообще сблизиться с ним на разных путях, т.е. создать новый тип *толкового французского словаря на русском языке* (выделено нами – *Авт.*)» [31, 302]. В «Предисловии к русско-французскому словарю» Л. В. Щерба также пишет: «Совершенно очевидно, что для каждой пары языков нужно два объяснительных (толковых) иностранно-национальных словаря – для русских с объяснениями на русском языке, а для иностранцев – на их соответственных языках. Такие словари дадут возможность читать и понимать иностранные книги .., а также познакомиться *с истинной физиономией иностранных слов* (выделено нами – *Авт.*)» [32, 305]. Так и словарь немецкого языка М. В. Ломоносова станет толково-историческим словарем языка той необыкновенно интересной, полной событиями, насыщенной острейшими культурными и языковыми конфликтами эпохи, в которую жил и работал Ломоносов; кроме того, словарь покажет, пользуясь словами Л. В. Щербы, «истинную физиономию» слова идиолекта.

Какие функции может выполнять авторский словарь немецкого языка? Известно, что основными пользователями двуязычных и авторских словарей являются переводчики, преподаватели, аспиранты и магистры, то есть те, кого действительно интересуют тонкости

семантики и нюансы словоупотребления. Что такой словарь может им дать в практическом плане?

Бесспорно, что главной функцией всех авторских словарей является научно-описательная функция [8, 213; 30, 31]. Как мы уже писали выше, важным при исследовании идиолекта Ломоносова является описание, создание «очерка» или «картины» немецкого компонента идиолекта, так как полноценное описание и объяснение целого невозможно без описания и объяснения его частей. Против этого фундаментального методологического положения трудно что-либо возразить: оно было сформулировано еще Рене Декартом и Исааком Ньютоном. Описать идиолект – это значит систематизировать и исследовать элементы его систем и подсистем, определить его место в многоязычном сознании Ломоносова (на этом остановимся ниже). Кроме того, описание идиолекта нельзя считать полным без идеографизации, т.е. без составления идеографического авторского словаря.

Вряд ли словарь немецкого идиолекта Ломоносова сможет выполнять учебную функцию, хотя возможно применение его материалов в каких-то особых учебных ситуациях: на лекциях и семинарах по двуязычной и общей лексикографии, занятиях по теории перевода, лекциях и специальных курсах по истории немецкого языка, сравнительному и историческому языкознанию, культурологии. Трудно себе представить такой словарь в функции нормативного словаря (нормативная функция); скорее уж он представляет собой некую вариацию словаря ненормативного.

В 2008 году в статье, посвященной замыслу «Словаря немецкого языка М.В. Ломоносова» [6] сделано предположение о том, что, поскольку факты для изучения прошлых состояний каждого национального языка часто, так сказать, «проявляются» в текстах, созданных не носителями языка (напомним здесь о программе исследования иностранных источников по обиходному языку Московской Руси XVI – XVII вв., задуманной проф. Б. А. Лариным), то, возможно, язык Ломоносова будет отражать некие ненормативные уникальные «осколки» или «фрагменты» профессиональной немецкой речи разнообразных социальных коллективов и групп того времени: студентов, бюргеров, рудокопов и плавильщиков, крестьян, цирюльников, ростовщиков, трактирщиков, солдат, матросов и прочих «сливок общества», с которыми у него могли быть языковые контакты во время его странствий по Германии.

Пока эту задачу не удалось реализовать полностью (хотя словарь еще не составлен окончательно), однако, некоторые небольшие достижения все же имеются. Так, например, в «Минеральном каталоге» (1745) можно найти следующую заметку: «Камни шлифованные .. треугольный зеленый .. по-латине лапис нефритикус, а по-немецки **спекштейн** [21, 274]. По данным словаря И. Х. Аделунга слово **Speckstein** является родовым профессиональным названием для нескольких маслянистых на ощупь минералов, местными наименованиями которых являются Lavetzstein, Lendenstein, Schmeerstein, Serpentinstein, Topfstein. Все эти минералы, как указывает И. Х. Аделунг, входят в класс нефритов – Lapis Nephriticus [34, IV, 176]. Итак, *спекштейн* – типичный профессионализм [см. 29, 48–49] немецких горных мастеров; ну а с точки зрения современной минералогии *спекштейн* (также *стеатит*, *мыльный камень*, *жировик*, *восковой камень*) – это мелкочешуйчатный плотный агрегат талька. Другой профессионализм – **aduciren** ‘отпустить (о стали)’ [21, 529] явно связан с языком немецких металлургов.

На главное место в «Словаре немецкого языка М. В. Ломоносова» выдвигается справочная функция. Словарь будет служить источником разнообразной энциклопедической и лингвистической информации о Ломоносове и его времени, о людях и реалиях его окружавших, а индексы, увеличивающие число входов в словарь, будут этому способствовать. Только в этом словаре можно будет, например, узнать, зачем Ломоносов распорядился приобрести для его Химической лаборатории *магнезию* (*Braunstein*) и насколько хорошо он владел этикетными правилами написания делового письма. Словарь, безусловно, будет интересен для всех, кто захочет узнать больше о нашем великом

соотечественнике; авторский коллектив надеется, что словарь и для специалистов по ломоносововедению, истории Академии наук, истории и культуре России XVIII века тоже будет полезен. Как словарь пассивного типа (то есть словарь анализа речи), он будет направлен на достижение наиболее полного и точного понимания слова, т.е. рецепции информации, содержащейся в каждой конкретной лексеме в тексте Ломоносова. Для тех, кто недостаточно хорошо знает немецкий язык, словарь послужит путеводителем в «немецкий мир» Ломоносова – ту важную сферу реализации его личности, которая до настоящего времени во многом была скрыта от современного исследователя.

Как известно, Ломоносов начал изучать немецкий язык уже достаточно взрослым и зрелым мужчиной, ему было уже 25 лет. Традиционно считается, что это произошло, когда он оказался в Германии, в Марбургском университете. Однако нам удалось найти факты, которые позволяют утверждать, что знакомство с немецким языком произошло раньше – Ломоносов, как и другие питомцы Славено-греко-латинской академии, начал заниматься немецким языком в Академическом университете под руководством В. Е. Адодурова⁵ [также 7; 22, 418]. Инновационная концепция, выдвинутая И. Е. Абрамовой об особой природе иностранного языка, усвоенного не в семье и не в детстве, а в условиях обучения, с целью его последующего использования в разных коммуникативных ситуациях, в макро- и микросоциуме [1, 221-228] позволяет указать на особые черты билингвизма (точнее – трилингвизма) Ломоносова⁶. Ломоносов взялся за изучение немецкого языка не столько по воле руководства Академии наук, сколько из непреодолимой жажды к знаниям, постоянного душевного стремления постигать новое, что, по мнению известного петербургского ломоносововеда Э. П. Карпеева, было одной из доминантных черт его характера [12, 250]. Возможно, не менее важную роль в этом играло желание Ломоносова повысить свой социальный статус: в России в первую половину XVIII века одним из условий достижения успеха в «новой» профессиональной деятельности было владение немецким языком: напомним, что в эти же годы для главного героя пушкинской «Капитанской дочки» был нанят пресловутый мосье Бопре, чтобы учить его по-французски и по-немецки. В русском обществе билингвы и люди, свободно владевшие иностранными языками, бесспорно, встречались и ранее: например, переводчик XVI века Дмитрий Герасимов (Дмитрий Толмач, 1465 – 1535) владел латынью и немецким языком, глава Посольского приказа в XVII веке князь В. В. Голицын говорил и читал на греческом, латинском, польском и немецком языках [28], а выдающийся русский математик и педагог Л. Ф. Магницкий (также, как и Ломоносов, постигавший науки в Славено-греко-латинской академии) владел греческим, латинским, французским и немецким языками. Но билингвизм Ломоносова безусловно представляет особый новый тип: это билингвизм, приобретаемый для получения и распространения знаний, который еще можно было бы назвать научно-образовательным или когнитивным билингвизмом. И сейчас мы часто становимся

⁵ См. статью С. С. Волкова и К. В. Манеровой «Докладная записка В. Е. Адодурова президенту Академии наук И. А. фон Корфу // Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка». СПб., 2014 (в печати).

⁶ Следует говорить не о *билингвизме*, а о *трилингвизме*, так как, помимо немецкого языка, Ломоносов свободно пользовался письменной и устной формами научной латыни XVIII века, которую начал изучать еще во время учебы в Славено-греко-латинской академии. И здесь учебная мотивация, возможно, имела главенствующую роль. Помимо библиотеки Славено-греко-латинской академии в Москве первой трети XVIII века имелась книжная коллекция Медико-хирургической школы Николаса Бидлоо в Лефортово, известная ценными изданиями на латинском языке по естественным наукам. Но, следуя принципам методологического редукционизма, временно исключим из рассмотрения латинский язык Ломоносова.

свидетелями того, что многие студенты добиваются значительных успехов в изучении иностранных языков, мотивированные возможностью продолжить обучение за границей.

Итак, наши наблюдения и анализ биографических данных Ломоносова позволяет сделать вывод о том, что немецкий язык в его языковом сознании занимал весьма важное место, причем речь идет прежде всего не о психологическом, а более о культурном доминировании.

Что же дает для изучения идиолекта Ломоносова и, в целом, для изучения истории русского литературного языка, такой вывод? Мы утверждаем, что в условиях многоязычия, в условиях контактов родного и доминирующего языка (в ситуации переключения кодов, т. е. при переходе с одного языка на другой и обратно неизбежно возникают особые, специфические языковые ситуации, для упрощенного обозначения которых можно было бы применить термин *интерференция* – перенесение особенностей родного языка на иностранный⁷. Интерференция традиционно оценивается лингвистами и лингводидактами негативно: это «плохое» явление, отрицательно влияющее на изучение иностранного языка и приводящее к ошибкам и несурзностям в речи учащегося на иностранном языке: укажем на фундаментальное исследование Н. Н. Рогозной, посвященные вопросам интерференции в речи иностранцев, изучающих русский язык [24].

Но интерференция может иметь не только отрицательный, «плохой», но и положительный вектор. Предположим, что в языковых контактах XVIII века, *местом* осуществления которых преимущественно являются так называемые языковые острова (*нем.* Sprachinsel)⁸, взаимодействие родного и неродного языков (и неизбежно возникающая при этом интерференция) может иметь не только негативное, но и позитивное значение. Это, безусловно, можно рассматривать как «порчу» языка о которой писал, например, Г. В. Лейбниц, но порчу только в синхронии. В диахронии язык получает от столкновения с фактами и нормами другого языка мощный импульс развития, подхватывает, выправляет и копирует нормы литературного словоупотребления, особенно в том случае, если а) процессы, идущие в этих языках, типологически совпадают; б) взаимодействие интенсивнее происходит в какой-то особой функциональной сфере, в частности, в области научного дискурса. Суть нашего предположения в том, что развитые литературные языки Европы оказывали нормализующее воздействие на русский язык периода становления литературной нормы (т. е. в XVIII веке), притом происходило это не как-то абстрактно, а через языковую деятельность билингвов, в дискурсе которых фиксировались и отражались следы такого влияния. Для нашего исследования чрезвычайно важно акцентировать глубокую мысль У. Вайнрайха о том, что языковой контакт – это глубинное взаимодействие двух языковых систем на уровне языковой нормы [4, 30]. При этом, один язык является сильным, «влияющим» членом этой оппозиции, а второй – «слабым», испытывающим влияние. В такой языковой ситуации русский язык Ломоносова неизбежно «подпадает под влияние» [4, 49] норм немецкого языка, находящегося в позиции доминирования как выражающий в системе вербальных форм достижения немецкой культуры и науки эпохи Просвещения. Такая позиция русского языка обусловлена тем, что в этот период русский язык находился в особом состоянии, которое кратко можно характеризовать не просто как транспозицию лексических и грамматических норм, но и сосуществование нескольких норм (взаимодействие книжной и просторечной стихий), находившихся в состоянии острой конкуренции. Можно легко привести многие примеры, но обратимся к малоизвестным современным исследователям фактам, а именно – к

⁷ Интерференция – это «процесс взаимодействия систем и элементов этих систем в контактирующих языках» [25, 62].

⁸ А. И. Домашнев понимал под *языковым островом* маргинальную область распространения языка, отдаленную от ареала своего ядра территориально политической границей и находящуюся в пределах других политических (государственных) границ в иноязычном окружении [9, 45–55].

свидетельствам капитана японского корабля «Синсё-мару» Дайкокуя Кодаю. Этот бесстрашный японский моряк потерпел в конце XVIII века крушение у берегов Камчатки, был спасен русскими моряками и десять лет провел в России. Побывав в Москве и Петербурге и даже удостоившись Высочайшего приема (видно кое-кому очень хотелось посмотреть на живого японца), он благополучно вернулся в Японию. Его воспоминания о жизни в России были аккуратнейшим образом записаны, составив целую книгу. Трудно его заподозрить в неискренности. Вот что он пишет (это современный перевод с японского): «В Москве и Петербурге, да и не только там, а по всей стране старым русским языком не пользуются, // а часто перемешивают его с французским и немецким языками» [16, 143]. Капитан Кодаю имеет в виду, как мы уверены, «салонный» русский язык Москвы и Петербурга. При этом «старым русским языком» он называет не церковно-славянский, о котором вряд ли имел хоть какое-нибудь понятие, а традиционный русский обиходно-бытовой язык первой половины XVIII века или так называемое «простое» или «посредственное», «гражданское» наречие [18, 131–137]. Во-вторых, обратим внимание слушателей, что эта оценка языковой практики относится к 90-ым годам XVIII века, а не ко времени Ломоносова, во времена которого процессы смешения и конвергенции шли более интенсивно.

Высказанные предположения подтверждаются результатами наблюдений. В текстах Ломоносова на немецком языке не удалось отметить сколько-либо статистически значимых фактов влияния русского языка на немецкий: все свидетельствует о том что Ломоносов прекрасно владел немецким языком. Можно говорить только о единичных случаях: например, употреблении, возможно, под влиянием русского языка переходного глагола befürchten ‘бояться, опасаться’ как рефлексивного и с родительным падежом вместо винительного:

In der gantzen Stadt war verbothen uns was zu lehren, und ich **befürchtete mich** einer größeren Verfolgung und Unglück [21, 424].

Случаи подобного «неправильного» употребления получают фиксацию в «Словаре немецкого языка М.В. Ломоносова». Для этой цели в числе других комментариев, следующих за описанием значения заголовочного слова, применяется специальный комментарий редакционной коллегии (вводится знаком \approx). Более того, авторский коллектив словаря и его главный редактор проф. К. А. Филиппов приняли решение, так сказать, в экспериментальном порядке применить еще один лексикографический прием: давать параллельные русские контексты к немецким текстам, как бы предоставляя будущему исследователю языковых контактов готовый эмпирический материал. Такие контексты даются только в том случае, если автором русских текстов является сам Ломоносов, например:

angenehm

ANGENEHM (1), *adj.*

◆ *Приятный, привлекательный, достойный любви, уважения.*

- ◆ Daß die Ehre der Academie der Wießenschafften Ew. Ex. sehr angenehm ist, und daß dieselbe neben Ew. Ex. als dem Oberhaupte in den Gliedern derselben bestehet, ist unstreitig [21, 459] ⇔ Что честь Академии Наук вашему сиятельству любезна и что она по вашему сиятельству, яко главе, состоит в ее членах, сего никто не оспорит [21, 458].

«Необходимо нужно», как любил писать сам Ломоносов, сделать оговорку: авторский коллектив при создании подобных комментариев действует крайне осторожно. Мы хорошо понимаем, что подобного рода явления могут быть несистемными, случайными или могут быть вызваны многими языковыми и внеязыковыми причинами, неизвестными или

непонятыми составителями. Это может быть воздействием диалектной стихии, городского просторечия, специального языка марбургских буршей, некими неизвестными речевыми традициями у учителей Ломоносова или в семье Цильхов, плохой сохранностью текста, ошибками чтения автографа документа и мн. другим.

Итак, составители словарных статей и редакторы «Словаря немецкого языка М. В. Ломоносова» добросовестно пытаются уяснить случаи влияния русского языка на немецкий текст Ломоносова. И для этого, как мы уже показали, в словаре применяются новые метаязыковые средства. Однако, признаемся себе, влияние русского языка на немецкий в этот период вряд ли кого-нибудь может серьезно заинтересовать (хотя, конечно, всегда возможны варианты). Гораздо увлекательнее показать словарными методами обратное воздействие – глубинное интерферирующее влияние немецкого языка на русский, системное изменение лексики, грамматики, норм словоупотребления русского языка под мощным воздействием немецкой языковой стихии. При этом авторитет билингва и его успешность в русской письменной культуре определяет значение контакта для русской языковой стихии. Такой лексикографический справочник может стать новаторским словарным проектом, направленным на многоаспектное описание процесса языкового контакта, его близких и далеких результатов, а также социально-культурных условий его осуществления, т. е. откроет новую семью «контактных» словарей.

Говорят, что самое приятное дело – это выдумывать новые словари. Поставить задачу создания «словаря контакта» довольно легко, осуществить – невероятно сложно. Это дело филологии будущего. Метаязык подобных справочников абсолютно не разработан. Выработать удобные, надежные, и, самое главное, *показательные* метаязыковые средства русской лексикографии пока не удалось. Кроме того, подготовка словарных статей для такого словаря потребует весьма тонкой семасиологической работы и, бесспорно – усилий экспертов, владеющих иностранными языками на профессиональном уровне. Пока ясно только следующее: во-первых, это должны быть словари устремленных в будущее языковых личностей-билингвов и мультилингвов (например, выдающихся русских ученых Д. И. Менделеева⁹ или В. И. Вернадского), в которых описание лексики идиолекта должно существенно дополняться фактами истории науки и культуры, описаниями научных терминологий, исследованием биографических данных; во-вторых, это должен быть петербургский проект, так как контактной зоной выступает наш любимый город, а главными контактными центрами – Академия наук, Университет, Кунсткамера, Адмиралтейство, Академия Художеств, Мариинский театр и т. д.

1. *Абрамова И. Е. Искусственный билингвизм: социолингвистический подход / И. Е. Абрамова, А. В. Ананьина, Е. П. Шишмолина // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. – Рига; М. – 2012. – № 4 (20). – С. 221–228.*
2. *Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка. СПб., 2013. С. 262 – 306.*
3. *Бабаева Е.Э. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. 1 – 2. М., 2004.*
4. *Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Выпуск VI: Языковые контакты. М., 1972. С. 25 – 60.*
5. *Винокур Г.О. Словарь языка Пушкина // Проект «Словаря языка Пушкина». М.; Л., 1949. С. 5 – 27.*

⁹ Отметим, что за свою жизнь Д. И. Менделеев 32 раза был в Германии, 33 — во Франции, 10 раз в Швейцарии, 6 раз — в Италии, трижды — в Голландии, дважды — в Бельгии, в Австро-Венгрии — 8 раз, в Англии — 11 раз .

6. Волков С. С. Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII (чтения памяти проф. И. М. Тронского)*. СПб., 2008. С. 84–90.
7. Волков С. С. Трехязычный «Словарь языка М. В. Ломоносова» // *Вестник РГНФ*. 2012. №3. С. 98–106.
8. Денисов П. Ф. *Лексика русского языка и принципы ее описания*. М., 1980.
9. Домашнев А. И. В. М. *Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР // Язык. Литература. Эпос: К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского*. СПб.: Наука, 2001. С. 45–55.
10. Еськова Н. А. Об одном эпизоде, связанном с выходом в свет первого тома «Словаря языка Пушкина» // *Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова*. М., 2013. С. 23 – 29.
11. Казаковская В. В. *Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок»*. СПб., 2006.
12. Карпеев Э. П. *Ломоносов: краткий энциклопедический словарь*. Редактор-составитель Э.П. Карпеев. Санкт-Петербург, 2001.
13. Карпова О. И. *Английская лексикография*. М., 2010.
14. Карпова О. М. *Лексикографические портреты словарей современного английского языка*. Иваново, 2004. – 192 С.
15. Карпова О. М., Коробейникова О. В. *Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии*. М., 2007. – 213 С.
16. Кацурагава Хосю. *Краткие вести о скитаниях в северных водах*. М., 1978.
17. Ковтун Л. С. *Словарное описание семантико-стилистической системы писателя (о Словаре М. Горького) // Словоупотребление и стиль М. Горького*. Л., 1968. С. 5 – 14.
18. Ковалевская Е. Г. *История русского литературного языка // Ковалевская Е.Г. Избранное. 1963 – 1999*. СПб.; Ставрополь, 2012. С. 12 – 422.
19. Ларин Б. А. *Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького*. Л., 1962. С. 3 – 7.
20. Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений в 10 (11) томах. / Том 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу, 1741–1763 гг.* — М.; Л., 1954.
21. Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений в 10 (11) томах. / Том 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг.* — М.; Л., 1952.
22. Манерова К. В. *Немецкий язык М. В. Ломоносова (на примере хронологической отнесенности идиолекта ученого) // «Филологическое наследие М. В. Ломоносова»: коллективная монография*. СПб., 2013. С. 418–428.
23. Потебня А. А. *Мысль и язык*. Киев, 1993.
24. Rogoznaya N. N. *Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (На материале разноструктурных языков)*. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003.
25. Семчинский С. В. *Семантическая интерференция языков*. – М., 1974.
26. Сорокин Ю. С. *О задачах изучения лексики русского языка XVIII века // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина)*. М.; Л., 1966. С. 7 – 34.
27. Успенский Б. А. *Языковая программа раннего Тредьяковского // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры*. М.: «Индрик», 2008. С. 80 – 169.
28. Черная Л. А. *Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени*. М., 1999.
29. Шелов С. Д., Лейчик В. М. *Терминология и профессиональная лексика. Состав и функции*. СПб., 2012.

30. Шестакова Л. Л. *Русская авторская лексикография: Теория, история, современность*. М., 2011.
31. Щерба Л. В. *Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974. С. 265 – 304.
32. Щерба Л. В. *Предисловие [к русско-французскому словарю] // Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974. С. 304 – 312.
33. Шукин В. Г. *О лингвистическом содержании понятия «идиолект» // Лингвистика и модели речевого поведения*. Л., 1984, С. 76 – 85.
34. Adelung J. Chr. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen*. 2. Aufl. 4 Theile. Leipzig, 1793–1801.
35. Tribble Chris., Jones Glyn. *Concordances in the Classroom*. Harlow; Longman 1990.